

*Susskaya Olga Alexandrovna,
National University
“Kievo-Mohylianskaya Academy”, docent,
Faculty of Social science and Social technologies
E-mail: susskaya@bigmir.net*

Clustering methodology as a trend virtualization of social science

Abstract: Clustering of scientific methodology and the parallel process of virtualization of social communication can have a negative impact on cognitive practices, particularly in the social sciences. This opposition may be transferred to the individual — at the center of social processes and their consideration in ekoantropotsentricheskoy paradigm.

Keywords: Methodology, sociology, mass communication, interdisciplinary research.

*Сусская Ольга Александровна,
Национальный университет
“Киево-Могилянская академия”, доцент,
факультет социальных науки и социальных технологий
E-mail: susskaya@bigmir.net*

Кластеризация методологии как тенденция виртуализации науки о социуме

Аннотация: Кластеризация научной методологии и параллельный процесс виртуализации социальной коммуникации могут оказать негативное влияние на когнитивные практики, особенно в области социальных наук. Противодействием этому может быть перенесение личности — в центр социальных процессов и их рассмотрение в экоантропоцентрической парадигме.

Ключевые слова: Методология, социология, массовая коммуникация, междисциплинарные исследования.

Поиски науки (в частности, социальных наук) в области исследования, пояснения и методологически обоснованного прогнозирования всегда считались первоочередными. Чистому теоретизированию всегда отводилось место, однако, оно не претендовало на ведущие позиции и не предопределяло путь развития науки в целом. Тенденции постмодерна в этом плане нарушили устоявшийся ход вещей.

Активизация трансформаций, происходящих в модернизирующихся обществах, с одной стороны усложнила для научных исследований возможность идти

в ногу с изменениями, с адекватным обеспечением эмпирических исследований основ экономики и общества, а с другой — обеспечила возможность, наиболее эффективно используя данные, размещенные в электронных базах и в Интернете, легко вычленять предмет исследования на фоне других, сопредельных проблем, и не очень заботясь о четкости методологических принципов и подходов, а также о чистоте и техническом соответствии используемых методик, «производить» очередной продукт научной мысли со скоростью ранее недоступной.

Навыкам ориентаций в медиа-коммуникативном пространстве иначе — пространстве информации уделяется в последнее время усиленное, однако, всё ещё недостаточное внимание. Один из наиболее последовательных апологетов развития и внедрения Интернет-технологий и, одновременно, строгий аналитик всех сопутствующих этим процессам явлений М. Кастельс пишет в своей книге «Интернет-галактика», — «несмотря на распространение Интернета, его логика, его язык и его принуждение недостаточно понятны вне сферы сугубо технологических материй.< ... > Использование преимуществ этой относительной пустоты: соответствующих исследований, идеологии и слухов, проникнуто пониманием данного фундаментального измерения наших жизней, как это обычно бывает в периоды быстрых социальных изменений» [3, 3].

Необходимо констатировать, что информатизация мирового сообщества не только не устранила старые «клейма» социального неравенства, но даже прибавила к ним новые диспропорции, которые фигурируют ныне в научной литературе и прессе под разнообразными названиями, но суть их одна: «цифровая асимметрия», «цифровой разрыв», «цифровая диспропорция», «цифровая дифференциация», и т. д. Расширение и глубина социально-экономической пропасти между странами «золотого миллиарда» и остальным миром становятся всё более основательными причинами неприятия и отторжения глобализации в том виде, в каком она «насаждается» сегодня. Т. Маккарти пишет, что в нынешних формах глобализация «ведет к разрушению социального: она сводит природу, общество и культуру к множеству «постоянных резервов», какие есть в распоряжении наиболее влиятельных заинтересованных групп в экономике. И постмодернистский пессимизм лишает нас надежды, что ситуация может измениться к лучшему с помощью политически организованного коллективного действия» [5, 34].

В процессе развития и становления методологии познания постоянно обсуждались, выкристаллизовывались различные точки зрения на соотношение теории, методологии и методов в структуре научного знания; соответственно определяясь в зависимости от научных принципов, которых придерживаются авторы исследований. Так в социальных науках, исследования социальной реальности во многом зависят от тех методологических принципов, которые

воплощаются в интерпретации исследуемых социальных процессов и явлений. Вместе с тем, несмотря на многообразие трактовок исходных положений реально существуют и функционируют, как отмечает один из известнейших методологов науки Ж. Т. Тощенко, «в современной социологической науке три парадигмы и соответственно методологические стратегии: *социологический реализм* (объект исследования — общество, социальные системы, социальные (ая) структуры (а), социальные институты), *социологический номинализм* (объект исследования — индивид, личность, человек, социальные группы и общности), <...> и к концу XX века была обоснована еще одна парадигма, которая стала называться **конструктивистской**» [9, 6]. Трудно не согласиться, что именно эти научные парадигмы определили почти на полвека вперед развитие научных направлений исследований социальной реальности, в своем роде «кластеризировали» методологию общественных наук.

Теоретические проблемы, обсуждаемые в рамках такой научной отрасли, как социология массовых коммуникаций, которая является базовой отраслью коммуникативных теорий и теоретической социологической мысли, исследующей такие важнейшие (по мнению Дж. Александера) конструкты, как: деятельность, культура и гражданское общество в течение последней четверти XX ст. приобрели еще большую актуальность. Выступая против отождествления исполнителя (деятели) и деятельности, потому что такие суждения ставят конкретность не на свое место, Дж. Александер подчеркивает, что Ю. Хабермас уравнивает политическую и экономическую деятельность и системно-рациональные организации, оставляя саму деятельность (agency) прагматичным актам речи; в то же время «аутопойетические» системы Н. Лумана и отдельные индивиды и институты Т. Лукмана — «являются или тропами, которые затмевают значимое действие (action) и культурно организованные коллективы, или неординарными конкретностями, которые отрицают все эти процессы» [1, 190].

Множественные информационные среды диктуют свои иногда достаточно жесткие условия, испытывают «на прочность» такую черту нашего сознания как полифункциональность. С точки зрения социологии интеллекта (которая пока не достигла того уровня, чтобы говорить о ней как о составляющей социологии познания), эта черта более присуща познавательным технологиям смежных наук, использующих междисциплинарность как близкий к «универсуму» инструмент познания, что нам хотелось бы акцентировать в кругу проблем восприятия массовой коммуникации, исследуемых, например, в рамках экоантропоцентрической парадигмы Т. М. Дридзе [2]. В целом, как в социологии, так и в психологии, проблема репрезентаций или прямого участия индивида в тех или иных сообществах, имеет междисциплинарный статус, может находиться в поле зрения как социальных, так и гуманитарных и естественных наук. В нашем случае артикулируется

изучение зависимости развития личности от возможности и типа репрезентации личностью определенной цивилизационной картины мира и своего образа в ней, образа, присущего данной культуре, науке, социальному сообществу.

Исходя из логики общего развития социологических исследований медиа-аудитории можно констатировать, что здесь происходит движение — от простой регистрации фактов и изучения элементов и конструкторов систематизированного влияния СМИ на массовое сознание — к объяснению их взаимосвязи, к планированию и прогнозированию реакции аудитории на информационное воздействие. В соответствии с обозначенными методологическими подходами, структура, уровни и понятийный аппарат каждого социологического исследования зависят от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. Именно здесь начинается логика построения понятийного аппарата и определяются конкретные задачи (а значит и возможности) исследования. «В зависимости от того, какой аспект социальной реальности, социальной жизни избран предметом анализа, основополагающим исходным понятием выступают общество или человек как личность, или *синтез того и другого и их органическая целостность* (курсив автора — Ж. Т.)» [9, 7].

Современное общество — это «*ноосферное*» (термин В.И. Вернадского) по своей природе пространство (где доминируют мысли, «обращенные в сообщения» электронных медиа), изменяет привычные для межличностной коммуникации стандарты общения, устанавливает свои особенные статусы коммуникативных взаимоотношений, где практически не разделяются интерперсональные и массовые интенции общения, а самым главным является существование и протекание коммуникации, как между людьми, так и между социальными организациями. Главенствующим признаком *коммуникативного взаимодействия* в современном пространстве знаний уже является не ЗНАЧЕНИЕ (как отмечал Н. Луман [4]), а «процесс»: диалогичность информационного обмена, равная возможность установления контакта и отсутствие социально установленных «барьеров» (запретов) коммуникации. Для социокоммуникативного пространства, в отличие от информационного пространства, не существует понятие цензуры, ведь для информационного обмена не существует пределов, благодаря возможности перехода из одного уровня коммуникации на другой. Среди современных проблем «экологии человека» (экосоциоантропологии) в сфере общественных отношений, которые складываются под влиянием (вторжением) информационного пространства, необходимо выделить следующие:

- проблему цивилизационного (ментального) «излома» в сфере использования технологий и виртуализации сознания — необходимости сохранения возможностей трансляции и непрерывного «декодирования» информации между представителями разных поколений;
- проблемы личности, создающей свое собственное «информационное поле» (авторская концепция [8]);

• проблемы обмена информацией по каналам, предоставляемым новыми сетевыми технологиями, на фоне проблем смены собственно книжной («цивилизации Гуттенберга») — цивилизацией экранной (цифровой).

Основные идеи гносеологического и экоантропцентрического плана состоят в том, что вышеуказанный «излом» не может происходить без реализации определенных социальных ожиданий от процессов глобализации и технологизации; в следствие которых изменились:

- 1) типы коммуникативного взаимодействия;
- 2) механизмы формирования информационного поля личности.

Как известно, без моделирования **социальной идентичности** (как одного из условий противостояния виртуализации) совершенно невозможно ввести в общественно-научные, интеркультурные [8] и геополитические построения процедуру самоидентификации. Сугубо формально, идентичность есть онтологическое убеждение (личности, группы, социосистемы), проявленное в процессе взаимодействия с некоторой «инаковостью» [6]. Абсолютно созвучен этой идее тезис Т.М. Дридзе о потребности «в общенаучной парадигме социального познания и действия, которая вела бы отсчет социальности не от общественного целого, а от человека родового (“homo vivens” — человека живущего), чей жизненный мир неотделим от среды обитания в полном объеме составляющих ее субстрат ингредиентов» [2, 13]. В виду «наступления» виртуальности настало время универсализировать макро- и микросоциологические подходы и подняться на следующую ступень методологического синтеза, где на основах междисциплинарности «увидеть» на пересечении интерпретативных способов и построений познания — личность как основной субъект социальных отношений.

Список литературы:

1. Александер, Дж. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество [пер с англ. Т.В. Дорофеевой] // Социология на пороге XXI века Основные направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева (Россия), Ж. Коэн-Хуттера (Швейцария). – М.: РУСАКИ, 1999. – с. 186–205.
2. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация и социальное управление в семиосоциопсихологии и экоантропоцентрической парадигме социального познания // Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Отв. ред. д-р психол. наук, проф. Т.М. Дридзе: В 2 кн. Кн.1. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. – с. 5–43.
3. Кастельс М. Интернет-Галактика. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе [пер. з англ. Е.Г. Ганиш, А.Б. Волкова]. – К.: ТОВ «Ваклер», 2007. – 304 с. – укр. яз.
4. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

5. Маккарти Т. Либеральный империализм и дилемма развития//Логос. – 2006. – № 5. – с. 14–38.
6. Переслегин С., Переслегина Е., Боровиков С. Социальная термодинамика и проблема идентичностей//Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований. Материалы Второй научной конференции Санкт-Петербургского союза ученых 10–12 апреля 2002, Санкт-Петербург, 2002.
7. Сусская, О. А. Информационное поле личности. Формирование информационного выбора аудитории в условиях современной социокультурной среды: Монография – К.: ДАКККиМ, 2003. – 188 с. – укр.яз.
8. Сусская О. А. Гуманизация и персонификация масс-медиа: Гуманизация и персонификация коммуникативного взаимодействия в медиaprостранстве. Монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG, 2013. – 110 с.
9. Тощенко Ж. Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа// Социологические исследования. – 2007. – № 9. – с. 5–16.

*Sushko Valentina Afanasievna,
PhD of Sociological Science, Associate Professor,
Associate head of the department of Sociological Research
Methodology Lomonosov Moscow State University
E-mail: valentina.sushko@gmail.com*

*Pronchev Gennadi Borisovitch,
PhD in Physics and Maths, Associate Professor,
Associate head of the department of Sociological Research
Methodology of the Lomonosov Moscow State University
E-mail: pronchev@rambler.ru*

Local perception of regional sustainability issues – the Volgograd case

Abstract: The Volgograd region (Russian Federation) is known as an area of socio-economic contrasts. Hotspots of economic activity are surrounded by deserts of less-favoured rural and urban areas with minimal levels of development and problematic employment prospects. This results in suboptimal environmental management. Deficiencies in available published data on environmental and socio-economic issues affecting the region call for research into the inhabitants' attitude towards environmental quality and sustainable development.